

УДК: 130.2

ПРИВАТНЫЙ МИР КАК ЖЕНСКАЯ СФЕРА В БУРЖУАЗНОМ ОБЩЕСТВЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Чеснокова Л. В.

Омский государственный университет путей сообщения, г. Омск, Российская Федерация

E-mail: L.Tchesnokova@mail.ru

В статье анализируется развитие приватной сферы в буржуазном обществе Нового времени. В результате разграничения публичного и приватного пространства происходит разделение мужского и женского жизненных миров и социальных ролей. Мужчина отвечает за производительный труд, женщина – за дом и семью. Новые ценности основываются на гендерном эссенциализме, полагающем, что мужские и женские роли предопределены природными различиями, однако гармонично дополняют друг друга. В результате женщина оказывается исключенной из публичной сферы, а в домашнем хозяйстве недооценивается экономическая значимость ее труда для семьи и утверждается, что ее функция – это «радовать и украшать». Тем не менее, несмотря на восхваление роли «хранительницы домашнего очага», у многих женщин возникает ощущение пустоты и бессмысленности жизни. В буржуазном обществе, где достижения в карьере становятся масштабом идентичности, домашний труд воспринимается как мелочный, скучный и бессмысленный. В конце XIX века растет женское протестное движение, требующее доступа в публичную сферу, право на участие в политической и профессиональной деятельности.

Ключевые слова: приватная сфера, Новое время, роль женщины, гендерные отношения, дом и семья, буржуазия.

Тема приватности занимает в последнее время важное место в научных исследованиях как междисциплинарная проблема, которая связана с вопросами гуманизма, ценности и достоинства человеческой личности. Считается, что наличие закрытого от чужого наблюдения и вмешательства приватного пространства обеспечивает чувство безопасности, свободы и самоуважения.

Целью данной статьи является культурфилософский анализ представлений о приватной и публичной сферах и соответствующих им гендерных ролях в обществе Нового времени. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: описать трансформацию представлений о роли публичного и приватного пространства в буржуазном обществе Нового времени; раскрыть ее связь с поляризацией гендерных ролей и гендерно специфического разделения труда; выявить воздействие этих представлений на поведенческую практику индивидов.

Наибольшее развитие приватная жизнь получила в эпоху Нового времени и, в особенности, в XIX веке, когда оформилось индивидуалистическое самосознание и возник современный европейский индивид. Приватная сфера неразрывно связана с

буржуазной культурой и такими ее нормами и ценностями, как разделение работы и дома, стремление к обладанию частной собственностью, личная автономия, экономность, законопослушность, высокая ценность семьи.

В число основных особенностей буржуазного общества Нового времени входит постоянно усиливающееся разделение публичной и приватной сфер, продуктивного и репродуктивного труда, работы и семьи. «Банкиры, купцы, чиновники, гимназические учителя, судьи и пасторы, т.е. люди с исключительно разнообразными формами дохода имели одно общее: они все сильнее отделяли свою бытовую жизнь от места, где получают заработанные деньги, постепенно формируя сферу частной жизни» [1, с. 124].

Одним из результатов дифференциации публичного и приватного пространства стало разделение мужского и женского жизненного мира. Считалось, что правильное распределение социальных ролей обеспечивает стабильность общества, где «мужчина отвечал за заработок, женщина – за использование и сбережение, мужчина – за производительный труд и творчество, женщина – за домашнее хозяйство и заботу о семье и детях, мужчина уходил на труд и борьбу, женщина – в детскую комнату» [2, с. 13].

Новые ценности были обусловлены гендерным эссенциализмом, полагавшим, что мужские и женские сферы влияния дарованы от природы и строго разделены, однако гармонично дополняют друга. В эту эпоху усиливается поляризация половых ролей. Общественное сознание мыслит дихотомиями, противопоставляя разум и чувства, общество и семью, рациональное и иррациональное, мужчину и женщину. «Предполагалось, что мужчине присуще рациональное мировоззрение, приспособленное к внешнему миру. Женщине приписывалась чувствительность, доброта и нежность, она должна была защищать семью от излишней расчетливости и холодной рациональности» [3, с. 119].

В XIX веке статус буржуа касался в первую очередь мужчин, в то время как женщины были исключены из активного участия в общественной и политической жизни. В основе этой системы ценностей лежали политические теории, опирающиеся на идею свободы индивидуума, неотчуждаемо присущей каждому человеку как наделенному разумом существу. Право на свободу основывалось на принадлежности человеческому роду, независимо от сословия, расы или пола. Только при условии личной свободы рассудок мог стать действенным и обустроить общественные отношения, приведшие к тому, что И. Кант в своем знаменитом определении Просвещения назвал «выходом человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине» [4, с. 29].

Люди заключили договор, ограничивающий их свободу, чтобы уживаться со свободой других, результатом чего стало буржуазное общество. В противоположность старому сословному порядку, дававшему привилегированный статус по рождению, буржуазное общество предлагало возможность изменить социальное положение. По мысли Канта, идея равенства означала то, что каждый человек мог добиться успеха в результате своего таланта, прилежания и удачливости, а не в результате принадлежности к высшим социальным слоям. Атрибутом гражданской самостоятельности является способность быть обязанным своим

существованием не произволу кого-то другого, а собственным правам и возможностям. Эта самостоятельность дает гражданину право действовать по собственной воле. Общество состоит из активных и пассивных граждан. К активным гражданам относятся полноправные мужчины, пассивные же – это «приказчик у купца или подмастерье у ремесленника, слуга, несовершеннолетний, каждая женщина и вообще все те, кто вынужден поддерживать свое существование не собственным занятием, а по распоряжению других <...> – все это подручные люди общности, потому что ими должны командовать и их должны защищать другие индивиды, стало быть, они не обладают гражданской самостоятельностью» [5, с. 234–235].

Однако эта зависимость от воли других и неравенство не противоречат свободе и равенству людей, которые составляют народ. Но иметь в этом устройстве право голоса были способны не все. Тем самым женщины исключались из политических отношений буржуазного общества, хотя это не означало для них отказ в наличии человеческого достоинства, которое было, по Канту, свойственно всем людям, также и тем, кто не мог быть активным гражданином. Женщины и мужчины являются разумными существами, и брак считается сообществом свободных людей. Но «именно брак был тем местом, где естественная свобода и равенство мужчин и женщин были связаны с социальным и функциональным господством мужчин» [6, с. 22], обосновывавшимся их лучшими физическими и умственными способностями.

Местом приложения сил и способностей мужчины в буржуазном обществе была деятельность вне дома: «в конторе, бюро, на предприятии – в местах, которые, согласно правилам, были закрыты для женщин и находились за пределом их понимания. В итоге экономические, политические и социальные отношения, или, выражаясь метафорически, «мир» стал вотчиной мужа, а «домашний очаг» – делом жены» [1, с. 223]. Эта идеология имела далеко идущие последствия для представителей обоих полов. Гендерное разделение, которое предопределяло для мужчин мир профессии, а женщин помещало в сферу семьи в результате врожденных свойств того или иного пола, декларировалось как нечто естественное. «Женщины во взглядах того времени характеризовались как пассивные, иррациональные, прилежные и скромные. Мужчины – как активные, самостоятельные, храбрые, рациональные, энергичные и открытые миру» [7, с. 25]. Подобное полярное разделение качеств закрепляло систему господства и подчинения. Решения принимал муж и отец, поскольку он был кормильцем и представителем семьи во внешнем мире, а жена как хозяйка дома и мать была центром приватной домашней сферы. В соответствии с библейскими заповедями она подчинялась мужу, была обязана создавать ему условия для отдыха от трудов и забот профессионального мира и рожать и воспитывать детей.

Высокие требования к женщинам отражались в статьях множества деятелей церкви, социальных моралистов, педагогов, писателей и врачей, писавших о ее «святой задаче». В романах, медицинских сборниках и книгах, посвященных правилам хорошего тона, можно было найти советы по обустройству приватного пространства. Считалось, что женская профессия – быть «душою дома», поскольку роль жены и матери – это деятельность, предназначенная для нее самой природой.

«То, что женщина именно здесь находила свое место, должно было быть связано с ее специфическим характером, поскольку она лучше разбирается в чувствах (за счет своих более слабых мыслительных способностей), а также в правилах приличия и морали» [8, с. 294-295]. Женщина провозглашается хранительницей цивилизации, морали и «добродетели домашнего очага». Напротив, публичность виделась как место, определяемое мужским началом, отмеченное расчетом, жадной наживы, эмоциональной холодностью и лицемерием.

Утверждалось, что женщина чище мужчины, религиознее и альтруистичнее, поэтому она должна вдохновлять его на благородную деятельность. По словам О. В. Рябова, воспевание женского совершенства было компенсацией за помещение женщины в приватную сферу. «Культ женской святости включается в аргументацию против эмансипации: женщина потому совершенна, что укрыта от зловещих сил публичной жизни. Святыня – это домашний очаг, и, чтобы не потерять совершенства, женщине следует оставаться в приватной сфере» [9, с. 109].

Границы семьи в XIX веке стали более закрыты, чем ранее. В результате разделения публичной и приватной сфер семья утратила значительную часть функций, превратившись в пространство рекреации. Теперь она меньше определяется материальными интересами, чем симпатией и привязанностью между ее членами. Тесная эмоциональная связь матери со своими детьми, так же, как и рациональность отца создавали образцы для женского и мужского жизненных сценариев. Буржуазный дом предлагал ролевые образцы поведения, которые считались чем-то само собой разумеющимся: «здесь подготовка к активной, ориентированной вовне функции деятелей экономики, политики или науки, там – воспитание «женских добродетелей» для исполнения роли жены и матери» [10, с. 389].

Риторика о большой ценности жизненного успеха в буржуазном обществе была точкой отсчета для формирования нового менталитета, благодаря которому буржуа находил свое место в социуме и мог отличать себя и от верхов, и от низов. В эту эпоху в связи с урбанизацией и ростом промышленности усилилась потребность в образованных сотрудниках. Мужчины получали профессиональное образование и могли добиваться успехов и признания. Женщины же не имели доступа к специализированному образованию, что исключало их из конкуренции на рынке труда.

Как отмечает Т. Веблен, считалось, что женщина может получать либо навыки для того, чтобы лучше исполнять домашнюю работу, либо квазихудожественные знания. Однако получение серьезного образования считалось неподобающим делом для женщины, «если оно способствует развитию личности и приобретается исходя из ее собственного познавательного интереса, а не побуждается канонами приличия и не соотносится с господином, добрую славу которого следует усугубить применением знаний или их демонстрацией» [11].

Однако в более низких слоях общества женщины продолжали работать, поскольку было невозможно содержать семью лишь на заработок мужа. Тем не менее, их труд воспринимался как второстепенный по сравнению с мужским, и как временный, пока они не вышли замуж. Общественные деятели спорили о

нравственности и приемлемости женского труда. В то время как в предыдущую эпоху не видели проблемы в том, чтобы женщина совмещала производительный труд и заботу о семье, сейчас большинство исследователей полагают, что женщины могут работать только до замужества, поскольку приоритетом для нее должны быть дом и семья. «Проблема работающей женщины заключалась в том, что она воспринималась как аномалия в мире, где как труд, так и семейные обязанности требовали полного рабочего дня и были разделены в пространстве» [12, с. 376].

Восприятие мужской занятости как квалифицированной, постоянной и естественной и женской как неквалифицированной, временной и сомнительной с биологической и моральной точки зрения привело к существенному неравенству в оплате труда. Общественное неравенство понималось как объективная данность, вытекающая из самой природы. Поскольку мужчина имел статус кормильца семьи, только его заработок имел значение.

В доиндустриальную эпоху признавалась важная роль женской работы по поддержанию благосостояния семьи. Супруги часто разделяли дела и заботы семейного бизнеса вместе с другими аспектами домашней жизни. Мужья несли юридическую ответственность за предприятие, но женщины также принимали активное участие в семейной экономике. Они помогали мужу в лавке, вели бухгалтерские книги, организовывали подмастерьев. «Очевидно, женщины играли ведущую роль в домашней экономике, ориентированной на поиск любых средств для выживания» [13, с. 46]. Женские функции были более разнообразны, чем мужские и включали в себя и производительный, и репродуктивный труд. В отличие от мужского труда, ограниченного определенными временными рамками, женский труд никогда не заканчивался.

В XIX веке в отношении к женской занятости происходят значительные перемены. Хотя труд хозяйки дома был по-прежнему важен для экономического благополучия домохозяйства, начинает затухать его экономическое значение. «Труд буржуазных женщин воспринимался как домашняя работа, которая должна была потерять ориентацию на успех – это была невидимая и более не продуктивная работа в домашнем хозяйстве, которая воспринималась как «служба любви» к мужу и детям» [14, с. 34].

Теперь в женской деятельности ценилось создание домашнего уюта, теплой семейной атмосферы, рукоделие и т.п. Работа домохозяйки, в отличие от мужского труда, не оплачивалась, поэтому в глазах современников она постепенно утрачивала свое экономическое значение. Более того, она получила особый статус именно потому, что была освобождена от законов рынка.

Целью отстранения женщины от любого производительного труда была демонстрация власти и богатства главы семейства. Согласно Т. Веблену, деятельность по поддержанию статуса, которая выполняется не экономически независимой женщиной, следует относить к «подставной праздности», функцией которой является изображать праздность ради почета того, кому реально принадлежат материальные ресурсы. С целью выполнения требований благопристойности, силы и время представителей привилегированных сословий

должны тратиться в актах показной праздности, «вроде визитов, катаний, клубов, спортивных развлечений, участия в благотворительных организациях и т.п.» [11].

Жена хозяина дома играет роль главного подставного потребителя. Эта обязанность свидетельствует о подчиненном положении женщины, которая, боясь полатиться репутацией семьи, вынуждена подчиняться закону благопристойности. Основой репутации в буржуазном обществе является прочное материальное благосостояние. Средствами, призванными засвидетельствовать высокий социальный статус семьи являются праздность и демонстративное потребление.

Настоящим местом женщины теперь считается дом, ставший закрытым приватным пространством. В предыдущую эпоху, когда проживание и работа были объединены под одной крышей, дом был в большей степени доступен для публичности в лице покупателей, клиентов, соседей и т.п. Ученики и подмастерья часто проживали у хозяина и рассматривались как часть семьи. Многочисленные тетки, кузины и племянницы жили в доме, чтобы помогать хозяйке с воспитанием детей и домашней работой. Впоследствии разные помещения дома начинают дифференцировать согласно их функциям (столовая, детская, спальня, гостиная и т.п.). Происходит рост приватности некоторых действий (например, сна, гигиены и т.д.), которые теперь не принято демонстрировать публично. Формы общения в доме на протяжении XIX века ограничивались, регулировались и формализовывались. Это относится к тщательному разграничению закрытых семейных (спальни) и открытых для посещений помещений дома (гостиная), установление четко оговоренных часов для визитов, а также ужесточение этикета, формальностей, и большая социальная замкнутость.

Именно в среде среднего класса было принято проводить наиболее жесткие границы между публичной и приватной жизнью. «House» постепенно превращается в «home». С этим было связано постепенное перенесение дружеских встреч из дома в кофейни или клубы и регламентация визитов с помощью выработанного этикета. Вместе с ростом общественного давления и нормирования, требующего подавлять собственные желания, развивается потребность в неконтролируемой обществом сфере приватного. В публичном пространстве постоянно растет контроль над поведением человека, которому теперь требуется постоянно носить социальную маску. Тем сильнее становится потребность в собственном доме, который становится противоположностью отчуждению, спешке и эксплуатации, «крепостью, в которой можно укрыться от жестокого внешнего мира» [15, с. 47].

Одновременно с утвердившимся буржуазным гендерным порядком, стабилизировавшим отношения господства и подчинения, нарастает восприятие публичного пространства как особенно небезопасного для женщин. Оно выступает как «зона страха», прежде всего, перед сексуальным насилием. Многие женщины избегают выходить в темное время суток на улицу, несмотря на то, что, вопреки распространенному убеждению, большинство преступлений против женщин, в том числе связанных с сексуальным насилием, совершается в семейном и домашнем кругу. Множество опасностей кроется в приватной сфере – закрытом пространстве семьи, куда, согласно либеральной философии, государство и общество не должны

вмешиваться. Место отдыха и близости может на самом деле оказаться пространством безнаказанного насилия и деспотизма над слабыми членами семьи.

Представления об особой небезопасности публичного пространства связаны со свойственным XIX веку противопоставлением враждебного окружающего мира домашней сфере, очагу, мирному домашнему счастью в кругу семьи. Хотя эти ограничения касались только обеспеченных слоев, которые могли себе позволить, чтобы женщина не работала, идеологический конструкт «муж – добытчик, жена – домохозяйка» прочно укоренился в общественном сознании.

Происходившая в XIX веке дихотомизация пространства на публичное и приватное была вызвана активно протекавшей в Европе урбанизацией. Городская анонимность уменьшила возможности контроля за нравственностью для представителей обоих полов. Пространственные ограничения были также связаны с противопоставлением «женщин легкого поведения» и «порядочных женщин», которые из опасений за свою репутацию ограничивали свое пребывание в публичном пространстве в вечерние и ночные часы. Новый гендерный порядок обосновывал необходимость особой защиты женщин представлениями об их «слабости» и тем самым их уязвимости – особенно в части репутации. Улицы и площади представлялись «местами, где царили грубость, насилие и, не в последнюю очередь, сексуальное искушение» [16, С. 188]. В многочисленных книгах хороших манер запрет на выход подавался как правило приличия, обосновывавшегося защитой женщин от опасного внешнего пространства – особенно юным дамам не рекомендовалось выходить без сопровождения.

Как отмечает Г. В. Горнова, «особняком стоит специфическая женская поведенческая практика, связанная с городским публичным пространством. Предикатом «публичности» наделялась женщина, продающая свое тело» [17, С. 198]. То есть порядочной может считаться только женщина, принадлежащая приватному пространству – «хранительница домашнего очага». Деятельность в публичной сфере вызывает ассоциации с доступностью для всех: «публичная женщина», «уличная девка», «гуляющая девка» и т.п.

В XIX веке трансформируется отношение мужчин и женщин к религии. Мужчины разделяют идеи секуляризации, в большей степени интересуются политикой и бизнесом, чем религией. Церковь же становится делом женщин как одна из немногих возможностей выхода в публичную сферу. По словам У. Фреверт, «религия открывала женщинам дверь в пространство публичного, давала возможности коммуникации с другими людьми» [18, с. 14]. М. Кессель отмечает функционально-компенсаторный характер религии для женщин, которые «только в религии могли видеть перспективу бесконечности, которую ищет любой человек» [19, с. 101]. Поскольку жизнь, проводимая только в семейном кругу, казалась слишком пустой, традиционная набожность предлагала духовную помощь и возможность обретения смысла. Религия указывала женщинам на перспективу спасения вместо возможности реализовать себя и свои жизненные планы в этом мире. Феминизация религии свидетельствует о недостаточном характере женской повседневности, сводившейся только к браку и материнству.

Помимо того, что социальные ценности успеха и достижений были недоступны для женщин, произошло обесценивание домашнего труда, поскольку, несмотря на приносимую им пользу, он более не воспринимался как деятельность по созданию экономических ценностей. В то время как успехи в профессиональной сфере в буржуазном обществе стали масштабом идентичности, домашняя работа утратила свой статус и признание. Она часто воспринималась как однотонная, мелочная и скучная, вызывающая чувство остановившегося времени и отрезанности от мира.

В результате постепенно начинает расти женский протест, желание самостоятельно выбирать свою жизнь. В конце XIX века женщины все сильнее чувствовали недостаточность своей роли только частного человека, чьи задачи «были ограничены воспитанием детей и демонстрацией буржуазной добропорядочности в материальном, эстетическом и нравственном смысле» [20, с. 503]. В результате они начали требовать доступа в ранее закрытые для них сферы политической и профессиональной жизни.

Таким образом, в эпоху Нового времени в результате перехода к нуклеарной семье и разделения семейного и рабочего пространств, дом превратился в закрытое приватное убежище семьи. Социальными и ментальными следствиями этих общественных изменений становится поляризация гендерных ролей. Гендерно-специфическое разделение труда базируется на идее о существенных особенностях женственности и мужественности. В результате женщинам предписывается ответственность за приватную сферу, домашний и семейный труд, а мужчинам – деятельность в публичной сфере и необходимые для нее характеристики: рациональность, настойчивость, способность руководить. Женщины среднего класса исключаются из производительного труда. Затшевывается экономическая значимость женского домашнего труда, функция которого теперь якобы сводится к тому, чтобы «радовать и украшать». Утрата права на осмысленную деятельность вызывает ощущение пустоты и бесцельности жизни. К концу XIX века растет женское протестное движение, требующее признать право на участие в публичной деятельности.

Модель идеальной буржуазной семьи, основывающейся на «природном» разделении гендерных ролей, оказывает сильное влияние на общественное сознание и сегодня. Из нее вытекают представления о диаметрально противоположных гендерных характерах, согласно которым мужчина выступает как сильный, женщина же – как пассивная, слабая и эмоциональная, что конструирует отношения власти и подчинения.

Список литературы

1. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX вв.) / Р. Зидер. – М.: Владос, 1997. – 304 с.
2. Frevert U. Einleitung / U. Frevert // *Bürgerinnen und Bürger: Geschlechterverhältnisse im 19. Jahrhundert: zwölf Beiträge* (hg. von U. Frevert). – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988. – S. 11–17
3. Schütze Y. Mutterliebe-Vaterliebe. Elternrollen in der bürgerlichen Familie des 19. Jahrhunderts / Y. Schütze // *Bürgerinnen und Bürger: Geschlechterverhältnisse im 19. Jahrhundert: zwölf Beiträge* (hg. von U. Frevert). – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988. – S. 118–133

4. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? / И. Кант // Собр. соч. в 8 тт. – М.: Чоро, 1994. – Т. 8. – С. 29–37
5. Кант И. Сочинения в шести томах / И. Кант. – М.: Мысль, 1965. – Т. 4. – Ч. 2. – 478 с.
6. Frevert U. Bürgerliche Meisterdenker und das Geschlechterverhältnis. Konzepte, Erfahrungen, Visionen an der Wende von 18. zum 19. Jahrhundert / U. Frevert // Bürgerinnen und Bürger: Geschlechterverhältnisse im 19. Jahrhundert: zwölf Beiträge (hg. von U. Frevert). – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988. – S. 148–175.
7. Budde G.-F. Blütezeit des Bürgertums. Bürgerlichkeit im 19. Jahrhundert / G.-F. Budde. – Darmstadt: WBG, 2009. – 148 S.
8. Habermas R. Bürgerliche Kleinfamilie / R. Habermas // Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart (hg. von R. van Dülmen). – Köln: Böhlau, 2001. – S. 287–310
9. Рябов О. В. Русская философия женственности (XI–XX века) / О. В. Рябов. – Иваново: Юнона, 1999. – 360 с.
10. Mohrmann R. Individuelle Gestaltung im Privaten: häusliches Leben / R. Mohrmann // Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart (hg. von R. van Dülmen). – Köln: Böhlau, 2001. – S. 385–406
11. Веблен Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – М.: Прогресс, 1984. URL: <http://www.library.fa.ru/files/Veblen.pdf> (Дата обращения: 04.06.2019)
12. Скотт Д. У. Женщина-работница / Д. У. Скотт // История женщин на Западе: в 5 т. Т. IV: Возникновение феминизма: от Великой французской революции до Мировой войны. – СПб.: Алетейя, 2015. – С. 375–402
13. Хафтон О. Женщины, труд и семья / О. Хафтон // История женщин на Западе: в 5 т. Т. 3: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 26–58
14. Habermas R. Frauen und Männer des Bürgertums / R. Habermas. – Göttingen: V&R, 2002. – 456 p.
15. Чеснокова Л. В. Сферы приватного и публичного как дихотомия природы и культуры // Вестник ОмГПУ. Гуманитарные исследования. – 2018. – № 2 (19). – С. 44–47
16. Ruhne R. Raum. Macht. Geschlecht. Zur Soziologie eines Wirkungsgefüges am Beispiel von (Un)sicherheiten im Öffentlichen Raum / S. Ruhne. – Wiesbaden: VS Verlag, 2011. – 238 s.
17. Горнова Г. В. Философия города / Г. В. Горнова. – М.: Форум, 2014. – 342 с.
18. Frevert U. Der Mensch des 19. Jahrhunderts / U. Frevert // Der Mensch des 19. Jahrhunderts (hg. von U. Frevert, H.-J. Haupt). – Frankfurt am Main: Magnus Verlag, 2004. – S. 9–18
19. Kessel M. Langeweile. Zum Umgang mit Zeit und Gefühlen in Deutschland von späten 18. bis zum frühen 20. Jahrhundert / M. Kessel. – Göttingen: Wallstein, 2001. – 411 S.
20. Hatje F. Die private Öffentlichkeit des Hauses im deutschen und englischen Bürgertum des 18. Und 19. Jahrhunderts / F. Hatje // Das Haus in der Geschichte Europas (hg. von J. Eibach, I. Schmidt-Voges). – Berlin: de Gruyter, 2015. – p. 503–523

Chesnokova L. V. Private World as a Women's Sphere in a Bourgeois Society of the New Time // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 1. – P. 96–105.

The article describes the development of the private sphere in the bourgeois society of the New Time. As a result of the separation of public and private space, there was a separation of male and female life worlds and social roles. The man was responsible for productive work, the woman - for home and family. New values were based on gender essentialism, which assumed that male and female roles are predetermined by natural differences, but harmoniously complement each other. As a result, the woman was excluded from the public sphere, and in the household, the economic importance of her work for the family was obscured and it was argued that her function was “to please and decorate”. The possibility of her demonstrative doing nothing was intended to serve the social prestige of the working man. However, despite the praise of the role of “keeper of the home”, many women have a feeling of emptiness and meaninglessness of life. In bourgeois society, where career achievements become the scale of identity, domestic work is perceived as petty, boring, and meaningless. At the end of the 19th century, the women's protest movement grew, requiring access to the public sphere, the right to participate in political and professional activities.

Keywords: private sphere, New Time, the role of a woman, gender relations, home and family, the bourgeoisie.

References

1. Zider R. Social'naya istoriya sem'i v Zapadnoj i Central'noj Evrope (konec XVIII -XX vv.) [The Social History of the Family in Western and Central Europe (the End of the XVIII–XX Centuries.)]. Moscow, Vlados, 1997, 304 p.
2. Frevert U. Einleitung . In: Bürgerinnen und Bürger: Geschlechterverhältnisse im 19. Jahrhundert: zwölf Beiträge (hg. von U. Frevert). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988, pp. 11–17
3. Schütze Y. Mutterliebe-Vaterliebe. Elternrollen in der bürgerlichen Familie des 19. Jahrhunderts. In: Bürgerinnen und Bürger: Geschlechterverhältnisse im 19. Jahrhundert: zwölf Beiträge (hg. von U. Frevert). Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1988, p. 118–133
4. Kant I. Otvet na vopros: chto takoe Prosveshchenie? [The Answer to the Question: What is the Enlightenment?]. Moscow, Choro, 1994, Vol. 8, pp. 29–37
5. Kant I. Sochineniya v shesti tomah [Collected works in six volumes]. Moscow, Mysl', 1965, Vol. 4. Ch. 2, 478 p.
6. Frevert U. Bürgerliche Meisterdenker und das Geschlechterverhältnis. Konzepte, Erfahrungen, Visionen an der Wende von 18. zum 19. Jahrhundert. In: Bürgerinnen und Bürger: Geschlechterverhältnisse im 19. Jahrhundert: zwölf Beiträge (hg. von U. Frevert). Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1988, pp. 148–175
7. Budde G.-F. Blütezeit des Bürgertums. Bürgerlichkeit im 19. Jahrhundert. Darmstadt, WBG, 2009, 148 p.
8. Habermas R. Bürgerliche Kleinfamilie. In: Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart (hg. von R. van Dülmen). Köln, Böhlau, 2001, pp. 287–310
9. Ryabov O. V. Russkaya filosofiya zhenstvennosti (XI–XX veka) [Russian Philosophy of Femininity (XI–XX century)]. Ivanovo, Yunona, 1999, 360 p.
10. Mohrmann R. Individuelle Gestaltung im Privaten: häusliches Leben. In: Entdeckung des Ich: die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart (hg. von R. van Dülmen). Köln, Böhlau, 2001, pp. 385–406
11. Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa [The Theory of the Leisure Class], Moscow, Progress, 1984. URL: <http://www.library.fa.ru/files/Veblen.pdf> (Accessed: 04.06.2019)
12. Skott D. Zhenshchina-rabotnica, in: Istoriya zhenshchin na Zapade: v 5 t. T. IV: Vozniknovenie feminizma: ot Velikoj francuzskoj revolyucii do Mirovoj vojny [Woman Worker, in: The History of Women in the West: in 5 vol. Vol. IV: The Emergence of Feminism: from the Great French Revolution to the World War]/SPb, Aleteya, 2015, pp. 375–402
13. Hafton O. Zhenshchiny, trud i sem'ya, in: Istoriya zhenshchin na Zapade: v 5 t. T. III: Paradoksy epohi Vozrozhdeniya i Prosveshcheniya [Women, Work and Family, in: The History of Women in the West: in 5 vol. Vol. 3: Paradoxes of the Renaissance and Enlightenment], SPb, Aleteya, 2015, p. 26–58
14. Habermas R. Frauen und Männer des Bürgertums. Göttingen, V&R, 2002, 456 p.
15. Chesnokova L. V. Sfery privatnogo i publicnogo kak dihotomiya prirody i kul'tury [The Spheres of Private and Public as the Dichotomy of Nature and Culture]. Vestnik OmGPU. Gumanitarnye issledovaniya, 2018, Vol. 2 (19), p. 44–47
16. Ruhne R. Raum. Macht. Geschlecht. Zur Soziologie eines Wirkungsgefüges am Beispiel von (Un)sicherheiten im Öffentlichen Raum. Wiesbaden, VS Verlag, 2011, 238 p.
17. Gornova G. V. Filosofiya goroda [Philosophy of City]. Moscow, Forum, 2014, 342 p.
18. Frevert U. Der Mensch des 19. Jahrhunderts. In: Der Mensch des 19. Jahrhunderts (hg. von U. Frevert, H.-J. Haupt). Frankfurt am Main, Magnus Verlag, 2004, p. 9–18
19. Kessel M. Langeweile. Zum Umgang mit Zeit und Gefühlen in Deutschland von späten 18. bis zum frühen 20. Jahrhundert. Göttingen, Wallstein, 2001, 411 p.
20. Hatje F. Die private Öffentlichkeit des Hauses im deutschen und englischen Bürgertum des 18. Und 19. Jahrhunderts. In: Das Haus in der Geschichte Europas (hg. von J. Eibach, I. Schmidt-Voges). Berlin, de Gruyter, 2015, pp. 503–523